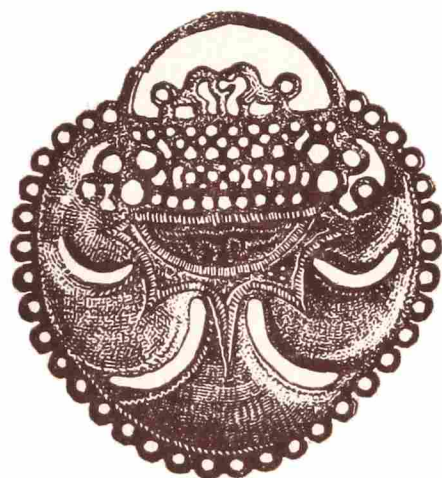

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1

1976

В. Л. ВОРОНИНА, Н. Н. НЕГМАТОВ

РЕЛЬЕФНЫЕ ГОЛОВКИ ИЗ ДВОРЦА АФШИНОВ УСТРУШАНЫ (Шахристан)

Одним из самых выдающихся памятников архитектуры и изобразительного искусства раннесредневековой Средней Азии оказался раскопанный в 1965—1972 гг. Северо-Таджикистанским археологическим отрядом Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР дворец в шахристане города Бунджиката — столицы Уструшаны, развалины которого ныне расположены в пос. Шахристан Ленинабадской области, состоят из трех частей и известны среди населения как Калаи Кахкаха. Великолепно спланированные обширные залы, комнаты и коридоры дворца были украшены многокрасочной настенной монументальной живописью и разнообразной деревянной скульптурой и рельефами (колонны, потолки, дверные конструкции и мебель). Большой пожар, охвативший почти все помещения дворца при покорении Уструшаны и уничтожении династии ее афшинов войсками Исмаила Самани в 893—894 гг., разрушил почти полностью все произведения живописи и резного дерева. Однако и та небольшая часть памятников искусства, которая сохранилась на некоторых стенах и в завалах и была извлечена при раскопках, представляет большой интерес, раскрывает многие стороны материальной и духовной культуры уструшанцев. Из числа обнаруженных и ныне изучающихся памятников искусства, среди которых имеются несколько десятков квадратных метров настенной живописи, огромное количество ее обломков, а также около 200 фрагментов обугленного дерева ¹, в данной статье мы рассмотрим лишь три близких по своему характеру памятника, а именно, найденные в тронном зале дворца доски с вырезанными на них рельефными головками (рис. 1). Доски лежали рядом на полу у западной суфы. Самый крупный из трех кусков дерева длиной 58 см представляет обломок большой композиции, где голова фигуры (видимо, сидящей) упиралась в дугу широкой арки. Две другие доски — прямоугольные, размером 25×15 см. Головки на этих филенках были заключены в ромбические рамки шириной 2,5—3 см, украшенные перлами между двух гладких полосок. Углубленное внутреннее поле занимает по горизонтальной оси 16 см и 11—12 см по вертикали, где и расположены головки, упиравшиеся сверху и снизу в тупые углы ромба.

¹ Краткую характеристику дворца и некоторых его памятников искусства см.: Н. Н. Негматов. Исследования в Северном Таджикистане в 1970 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», X, 1970 год. М., 1973, стр. 97—102; *его же*. Раскопки уструшанской столицы Бунджиката. Сб. «Средневековые города Средней Азии и Казахстана (тезисы к совещанию в г. Фрунзе)». Л., 1970, стр. 45—49; *его же*. О живописи дворца афшинов Уструшаны (предварительное сообщение). СА, 1973, 3, стр. 183—202; Н. Негматов, В. Соколовский. Два фрагмента стенной росписи с изображением многорукой богини из Шахристана. Сообщ. ГЭ, XXXVII, 1973, стр. 58—60; Н. Н. Негматов. Эмблема Рима в живописи Уструшаны. Изв. АН Таджикской ССР (отделение обществ. наук), 1968, 2 (52), стр. 21—32; *его же*. Эмблема Рима в живописи Уструшаны и древневосточная мифологическая традиция. — там же, 1973, 1 (71), стр. 3—10; *его же*. К вопросу о роли Востока в сложении древнеримской легендарной традиции. — там же, 1974, 1 (75), стр. 3—10.

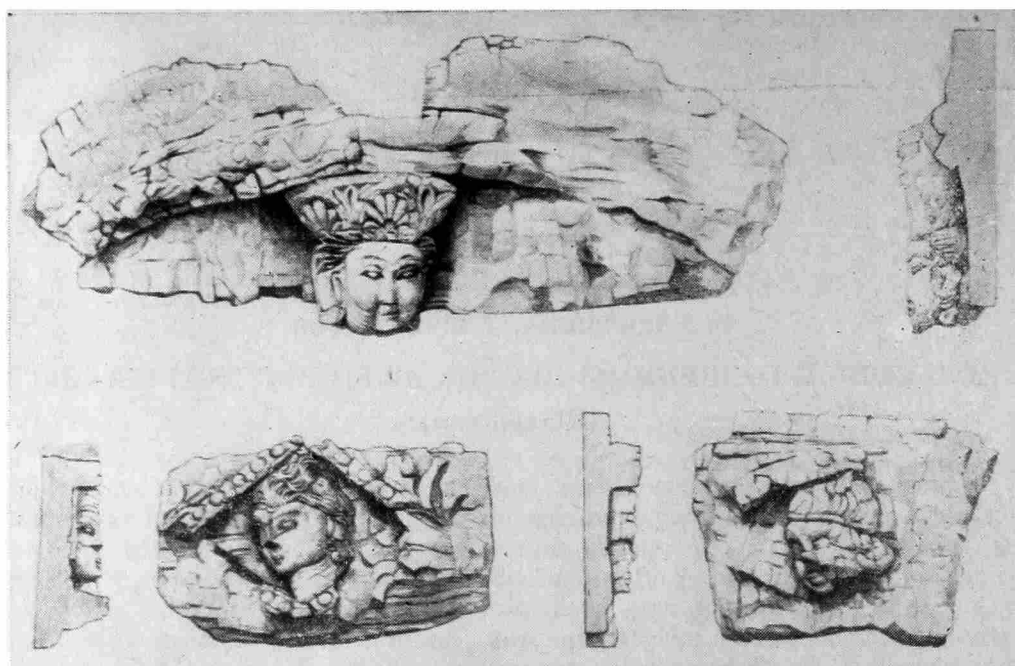

Рис. 1. Фрагменты обугленных досок с рельефными головками

Все три головки выполнены высоким рельефом и плоское лицо несет признаки монголоидного типа: миндалевидные глаза с припухшим верхним веком, плавные дуги бровей, сросшиеся над переносицей, прямой сплюснутый нос с маленькими ноздрями, небольшой слабо выступающий подбородок. Щеки опускаются от крыльев носа к подбородку резко выраженными складками. От углов рта поднимаются к вискам параллельные рубцы, напоминающие татуировку (отчетливо видны на правой щеке). Небольшие ушные раковины полностью видны и хорошо проработаны. На мочке левого уха видна серьга в форме стручка. Подбородок и левая щека плотно обтянуты тканью (шарфом?), которую не видно с правой стороны. Волосы, лежащие на лбу кольцами, распадаются за ушами прямыми прядями. На голове круглая корона, украшенная тремя полукруглыми с многолепестковыми пальметками. Верхний край короны, отмеченный полоской треугольных зубчиков, упирается в валик арки. Возможно, что по краю короны (уже поверх валика) шли крупные зубцы с перлами на концах (один из них как будто просматривается среди выщербленных углей).

Архивольт арки, видимо, изображал собой гирлянду, но рисунок ее неясен. Валик гирлянды шириной 4 см и высотой примерно 2,5 см отделял внешнюю гладкую дугу в 7 см. Вдоль края валика на этой дуге слегка намечена резцом узкая полоска, снабженная кое-где косыми штрихами. Толщина доски на уровне гладкого фона около 3 см, рельеф головки достигает 5 см.

Несомненно, описанный фрагмент составляет лишь верхнюю часть сложной композиции, о характере которой позволяет судить пенджикентский арочный фриз. В арках фриза изображены сцены из мифологии, где главный персонаж восседает на троне или колеснице. Шахристанская головка принадлежала именно такой фигуре, занимавшей центральное положение в поле арки и окруженной соответствующими аксессуарами: по обе стороны головки видны остатки каких-то деталей сцены. Округлый предмет, который фигура держала в левой руке, мог быть солнечным диском, как это предполагается в отношении одного из персонажей пенджи-

Рис. 2. Первая рельефная головка

кентского фризa, и в таком случае она изображала солнечное божество². По другую сторону головки намечаются неясные контуры еще каких-то деталей (крайний слева напоминает ухо животного).

Но в отличие от арок фризa, образующих непрерывный ряд и ограниченных сверху прямым краем доски, шахристанская арка представляла собой самостоятельную композицию. Контуры уцелевшей части арки слишком неопределенны, чтобы точно воссоздать ее профиль и размеры. Но исходя из масштабов изображения, можно примерно подсчитать ее пролет и высоту, составлявшие соответственно около 1,25 и 0,75 м. Учитывая ширину валика и внешнего края, следует допустить, что полная ширина арки достигала 1,50 м, а высота — примерно 86 см.

Вторая головка (рис. 3) несколько меньше первой — лицевая часть от волос до подбородка соответственно 7,5 и 5,5 см. Лицо с тонкими чертами, широкой нижней челюстью, маленьким, четко очерченным подбородком. Разрез глаз серповидный, верхнее и нижнее веко отчеркнуто тонким глубоким штрихом резца, брови расходятся от переносицы двумя широкими дугами. Прямой сильно выступающий нос (в нижней части не сохранился). Изящно очерчен пухлый рот. Волосы крупными волнами поднимаются к затылку, а нижняя прядь зачесана вниз и назад, прикрывая маленькое ухо с круглой серьгой. Основная масса волос ниспадает вдоль несколько изогнутой шеи. Рельеф изображения возвышается на 1,5–3 см над фоном ромбического поля. Рамка с перлами в нижней части сбита. Размеры прямоугольной филенки 25×15 см, оставшиеся свободными уголки были заполнены пальметками (от них остались лишь слабые следы). Толщина доски (без рельефа) до 3–3,5 см.

Третья головка (рис. 4) сильно разрушена. Бросается в глаза существенное отличие от первых двух изображений: грубый нос, рот с толстыми губами, внешний угол глаза круто поднят к виску. Волосы стянуты на лбу лентой или обручем, из-под которого выбиваются сзади густой массой, закрывая уши. Головка такого же размера, как и предыдущая, но рамка оказалась для нее тесна и шея не поместилась. Сама рамка сохранилась лишь в верхней левой части. Высота рельефа головки (и рамки) 2–2,5 см, толщина доски без рельефа 2,5 см. Нижний и боковые края филенки обломаны: сохранился верхний край с западающей ступенькой 2 см шириной.

Любопытно отметить, что ракурс в три четверти оборота давался резчику с некоторым трудом. У первой головки нос показан анфаз, а рот — в труакар, причем левый уголок рта заметно приподнят и укорочен, чтобы подчеркнуть впечатление поворота лица. У второй головки нос показан

² А. М. Беленицкий. Результаты раскопок на городище древнего Пенджикента в 1960 г. Сб. «Археологические работы в Таджикистане», 8, Душанбе, 1962, стр. 113.

правильно, но рот как и у первой, с внутренней стороны укорочен и угол приподнят. У третьей головки дан почти анфас. Вообще у всех трех головок сторона лица, повернутая от зрителя, как бы «врастает в фон», детали вылеплены условно и частью опускаются. Зрачок глаза у всех трех головок отсутствует.

Изображение в рамке из перлов было свойственно декору позднесасанидского Ирана — стукковые облицовочные плитки зданий Киша, Дамгана, Ктесифона несут горельефы звериной или человеческой головы в круге из перлов, и свободные углки заполнены пальметками. Та же трактовка стала каноном в резном дереве Средней Азии VII—VIII вв. для филенок потолка. Более того, рисунки тканей на одежде персонажей живописи Варахши, Пенджикента, Афрасиаба, Балалыктепа тоже содержат круги из перлов, обрамляющие изображения птицы, человеческой или кабаньей головы³. Но сюжеты пластики значительно расширились, включая многофигурные композиции, а перлы чаще заменяются четырех- и пятилепестковыми розетками. Для шахристанских филенок можно указать и более точную аналогию — одна из пенджикентских дощечек снабжена ромбической рамкой из перлов (однако внутри рамки плоским рельефом изображен лев, а углки орнаментированы крестиками)⁴.

Если общая композиция шахристанских фрагментов подчинена устоявшейся традиции, бытовавшей в широких географических границах, то характер горельефа и индивидуален. Трактовка прически отошла от образов Гандхары, ясно отразившихся в деревянных скульптурах древнего Пенджикента со спиральными завитками или прямым зачесом волос вверх. Прически шахристанских головок не находят прямых аналогий в среднеазиатской иконографии. Еще в большей степени это относится к типу лица, который не встречает сколько-нибудь близкого подобия в искусстве Пенджикента, Варахши, Афрасиаба, Аджинатепы и других памятников раннего средневековья и древности.

Едва ли нуждаются в доказательствах высокие художественные достоинства головок. Мастерство скульптора не только в точных движениях резца, но и в воплощении определенного этнического типа. Все три головки наделены индивидуальными чертами — овал лица, нос, разрез глаз, веки в каждом случае неповторимы по рисунку.

Кого же изображали горельефы? Если принять, что персонаж в арке являлся солнечным божеством, то живопись Пенджикента представляет божества астрального культа в женском образе⁵. Две другие головки, очевидно, мужские. Если предположить, что дощечки с головками в ромбической рамке принадлежали установленному в тронном зале дворца большому тахту и ограничивали его с боков, то, очевидно, их первоначальное количество должно быть не меньше четырех, может быть шесть или даже восемь. Вероятнее всего, головки составляли своего рода «галерею народов», подобно дароносцам на лестницах персепольского дворца. Это могли быть представители дружественных стран, с которыми Уструшана поддерживала сношения, или побежденные враги. Во всяком случае, эта галерея типов охватывала значительный географический регион, о чем свидетельствует головка с косым разрезом глаз, имеющая монголоидный облик.

Наблюдения в процессе раскопок Бунджиката, Пенджикента и других археологических объектов свидетельствуют о том, что подобные детали не использовались для украшения потолка или стен помещений. Правда, в том же зале обнаружен великолепный полукруглый тимпан, но он помещался над входом, а других проемов в зале не было. В силу своих обособленных контуров и размеров арка не могла являться и частью венчающего

³ Мотив изображения в круге из перлов довольно широко распространен в орнаментике тканей сасанидского Ирана и омейядского халифата. Вернее всего, отсюда он и перешел в архитектурный декор.

⁴ А. М. Беленицкий. Ук. соч., рис. 20.

⁵ «Скульптура и живопись древнего Пенджикента». М.—Л., 1959, табл. XX, XXI.

Рис. 3. Вторая рельефная головка

Рис. 4. Третья рельефная головка

настенного фриза. Две деревянные пластины слишком малы, чтобы служить филенками потолка, и лишены характерных гладких закраин, которыми филенки укладывались на балки. Остается поэтому предположить, что все три детали принадлежали одному предмету — как уже отмечалось выше, деревянному ложу-тахту. Возможно и другое предположение о принадлежности этих досок — филенок створкам входных дверей тронного зала, тем более, если учесть, что этот вход выше украшал уже упомянутый

тимпан — резное панно, то следует думать о возможности художественного оформления и самих дверей.

На существование таких тахтов указали в свое время находки деревянных стоек-кариатид в раскопках древнего Пенджикента⁶. Четыре таких фигуры предположительно стояли по углам тахта, образуя опоры и крепление барьера. Судя по наличию кариатид в парадных четырехстолпных залах жилищ знати, тахт был обычной принадлежностью таких помещений, причем стоял всегда на полу, а не на суфе. Характер использования тахта поясняет один из сюжетов настенной живописи древнего Пенджикента: сидя на тахте, беседуют знатные мужчины и дамы⁷. Убедительную аналогию в быту современных таджиков дает «кат» — обнесенный с трех сторон барьером дощатый помост, на котором спят и едят всей семьей. В зарубежной археологии в какой-то мере могут служить параллелью деревянные кресла, открытые в раскопках селений III в. под песками Хотана⁸.

Трудно сказать с уверенностью, какое место занимали шахристанские детали с головками в композиции тахта — облик этого сооружения пока неясен. Можно допустить, что большая глухая арка служила стенкой тахта, а дощечки с ромбами были вмонтированы в барьер боковых сторон (на торце одной из филенок выступал край, назначенный для закрепления в стойку).

К предполагаемому тахту могли иметь отношение некоторые другие предметы, лежавшие поблизости на полу тронного зала. Прежде всего барельеф женской фигуры. Эта доска размером 86×32 см не могла быть деталью покрытия, так как поза кариатиды, в которой изображена фигура, оправдана лишь при вертикальном положении. Ближе к середине зала найдена сильно фрагментированная объемная скульптура — мужской торс почти в натуральную величину. Плоская тыльная сторона с большим гнездом от шипа указывает на то, что это деталь какой-то конструкции. Может быть, она служила одной из лицевых стоек, в которые упирался боковой барьер? В качестве отдаленной аналогии вспомним деревянные кресла Хотана с подлокотниками, оформленными поясной фигуркой или звериной протомой⁹.

V. L. Voronina, N. N. Negmatov

PETITES TÊTES EN RELIEF DU PALAIS
DES AFCHINES D'OUSTROUCHANA
(CHAKHRISTAN)

Résumé

Dans cet article on poursuit la publication et l'explication des monuments artistiques du palais des afchines (rois) d'Oustrouchana dans le goroditché de Kalaï Kakhkakha Ier, chakhristan de sa capitale au début du Moyen Age, la ville de Boundjikat. On donne la description détaillée de trois panneaux de bois carbonisés (fig. 1—4), portant d'admirables représentations de petites têtes humaines, placées dans des niches en forme d'arc et de losange. Ces panneaux constituaient ou bien une partie des parois d'un grand takhta (divan de parade) en bois, ou les battants des portes de la salle du trône. L'analyse artistique de ces trouvailles permet d'y voir des oeuvres hors pair de l'art vivant et dynamique d'Oustrouchana (Asie Centrale), parvenu très tôt à maturité, mais disparu tragiquement lors de la pénétration de l'Islam.

⁶ В. Л. Воронина. Кариатиды в архитектуре Средней Азии. Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов. III, М., 1963, стр. 117—124.

⁷ «Живопись древнего Пенджикента». М.—Л., 1954, табл. XXVI.

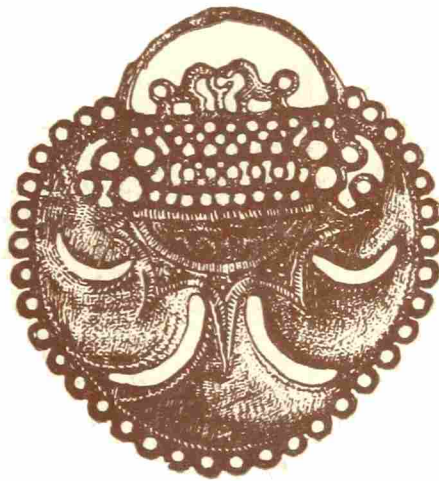
⁸ M. A. Stein. Ancient Khatan. Vol. II, Oxford, 1907, LXX.

⁹ Ibid.

ISSN 0038-5034

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

4
1986

А. Э. БЕРДИМУРАДОВ
**ВИНОДЕЛЬНАЯ МАСТЕРСКАЯ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ УСТРУШАНЕ**

На правом берегу р. Санзар, в кишлаке Абуз Галляаральского р-на Джизакской обл., в 200 м к югу от замка Кингир-тепа, была раскопана винодельная мастерская раннесредневекового времени. До раскопок памятник представлял собой овальный в плане холм размерами 12×17 м, высотой 2 м от дневной поверхности. Тепе вытянуто по линии север — юг (рис. 1). В 1979 г. под руководством автора на этом объекте вскрыты три помещения.

Помещение 1 имеет прямоугольную форму, размерами $10,1 \times 2,8$ м. Пахсовой стеной шириной в 50 см оно разделено на две части. В западной части помещения на глубине 60 см от поверхности расчищен пол, обмазанный ганчем поверх галечного настила. Здесь же заложен небольшой шурф, в котором выявлено три слоя галек округлых форм, плотно прилегающих друг к другу. Под галечной кладкой проходит хорошо утрамбованная лёссовая забутовка. Толщина галечной кладки в западной части шурфа 20 см, в восточной — 10 см. К восточной стороне пол имеет некоторый уклон. Вымостка из гальки и ганча образует площадку квадратной формы, размерами $2,8 \times 2,8$ м. Внутренняя поверхность стен, где находится ганчевая квадратная площадка, покрыта ганчем.

Восточная часть помещения была заполнена завалом из блоков пахсы. На полу местами прослеживаются зольный и гумусный слои. В завале встречаются также остатки деревянных балок, камней, костей животных и фрагменты керамики.

В северо-восточном углу помещения расчищен вход шириной 1,3 м. К юго-западу от входа открыта выкладка из трех плоских камней размерами $1,0 \times 0,3$, $1,2 \times 0,8$ и $0,8 \times 0,6$ м; толщина всех камней 10 см.

Под стеной, которая разделяет помещение на две части, проходит керамическая труба длиной 0,95 м, изготовленная на гончарном круге. Диаметры трубы 15 и 10 см, толщина стенки 3 см.

К обоим концам трубы прикреплены ганчевые головки, одна из которых подогнана под уклон площадки, другая подходит к краю округлой в плане ямы (рис. 2, разрез А—А). Диаметр ямы 1,2 м. В яме стоял хум. На глубине 50 см от края ямы расчищен его венчик. Хум изготовлен на гончарном круге, высота его 1,4 м, диаметр венчика 70 см. Начиная от венчика хума до края ямы стенки ямы облицованы двумя рядами гальки, тщательно скрепленными ганчевым раствором. Поверхность кладки в свою очередь также обмазана ганчем. Таким образом, венчик хума тщательно закреплен и соединен со стенкой ямы. Вокруг хума был утрамбованный лёсс. Края ямы ограждены от пола помещения тонкой глиняной стенкой высотой 20, толщиной 15 см, проходящей по окружности ямы. Общая глубина ямы 1,9 м. Яма отгорожена от восточной части помещения глинобитной стеной, толщина которой 9,3, высота 0,2 м. Толщина северной стены помещения 1,2 м, толщина остальных стен до 1 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен около 0,5 м. Поверхность стены в западной части помещения покрыта саманной обмазкой.

Помещение 2 имеет прямоугольную форму, размерами $2,5 \times 3,5$ м. Толщина южной стены 1,2 м, западной и северной — 1 м, толщина восточной стены 0,5 м. Все стены покрыты саманной обмазкой. В северо-восточном углу помещения расчищен вход шириной 1 м. Стены сохра-

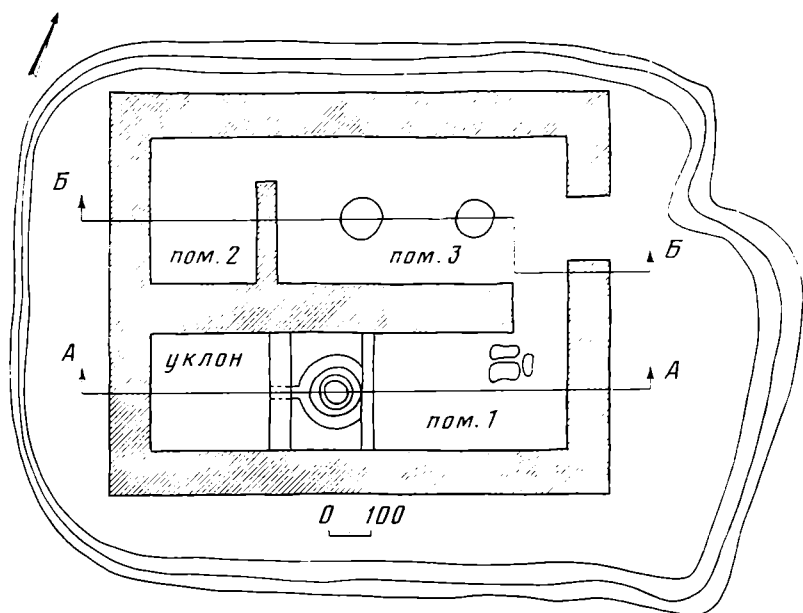

Рис. 1. План винодельни в кышлаке Абуз

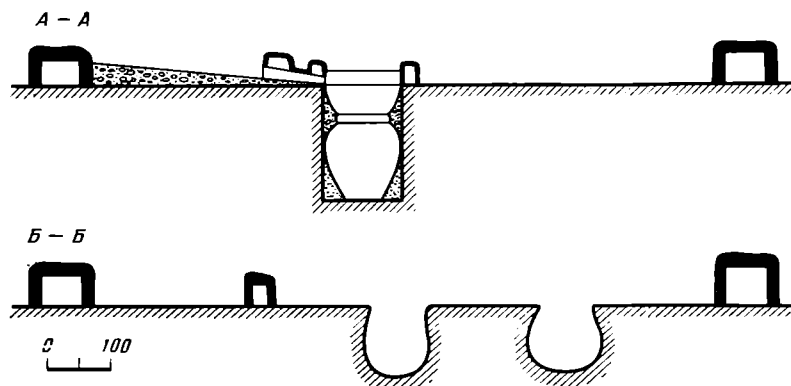

Рис. 2. Разрезы по линии А-А и Б-Б

нились на высоту 0,5 м. Помещение было заполнено мелкими фрагментами пахсовых блоков. На полу найдены кости животных и несколько фрагментов керамики.

Помещение 3 имеет в плане удлиненную прямоугольную форму, размерами 7,5×3,5 м. Толщина южной стены 1,2 м, толщина остальных — 1 м. Все стены покрыты саманной обмазкой. Стены сохранились на высоту до 0,5 м. В восточной стене помещения имеется вход шириной 1,5 м — единственный в здании. Помещение было заполнено завалом пахсовых блоков. На полу найдены фрагменты керамики и кости животных. Ближе к южной стене расчищены две круглые в плане ямы (рис. 2, разрез А-А). Первая — диаметром 1 м — находится на расстоянии 1 м от южной стены. Книзу она расширяется и имеет в разрезе грушевидную форму. Глубина ямы 1,2 м. Стены обожжены. Яма заполнена золой, фрагментами керамики, костями животных. Вторая яма имеет диаметр 90 см, глубину 1,1 м.

На полу помещения 3, в завалах и в ямах найдено несколько фрагментов стеклянной посуды, одна саманидская монета, чеканенная в 345 г. (956—957 гг. н. э.) в г. Самарканде¹, и одна полукруглая бляшка, язычок которой отломан. Подобные бляшки были найдены на

¹ Монета определена профессором МГУ Г. А. Федоровым-Давыдовым.

городище древнего Пенджикента и датированы VIII в. н. э. [1, с. 92, рис. 64, 34].

Стеклянные сосуды представлены следующими фрагментами.

1. Фрагмент флакончика серо-зеленого цвета, имеющий вытянутое тулово, невысокое, слегка расширяющееся кверху, узкое трубкообразное горлышко диаметром 1,5 см. Поверхность флакончика местами черно-коричневая, стекло плотное, без пузырьков воздуха. На тулове с двух противоположных сторон имеются волнистые, утоншающиеся к концам налесты. Флакончики с аналогичными налестами были найдены в Культепе в Южном Согде [2, с. 82, рис. 39] и Пенджикенте [3, с. 134, рис. 32]. Некоторые исследователи полагают, что волнистые налесты являются изображением змей и имеют магическое значение оберега [4, с. 67].

2. Горлышко флакончика в виде узкой трубки диаметром 1,5, высотой 3 см. Стекло темно-коричневого цвета. На внешней поверхности по кругу процарапана зигзагообразная линия.

3. Фрагмент донца сосуда зеленого цвета (центр донца толще, чем край, — 4–8 мм), местами покрыт коричневой краской; имеется орнамент, сделанный путем вдавливания.

4. Часть флакона с трубкообразным горлом, синего цвета, диаметр 2 см. Тулово флакончика цилиндрическое. В стенках сосуда имеются маленькие пузырьки воздуха.

5. Фрагмент стакана зеленого цвета с прямым и высоким бортиком. На стенке сосуда нанесен орнамент в виде овалов. В стенках имеются мелкие пузырьки воздуха. Точно такой же стакан найден на Афрасиабе [5, с. 64, табл. IX].

Пенджикентские и культепинские стеклянные сосуды, аналогичные найденным нами датируются VI–VIII вв. н. э.

При раскопках всех помещений обнаружены фрагменты керамики. Приводим описание наиболее характерных экземпляров.

Керамика из помещения 1. Венчик горшка, изготовленного на гончарном круге, со слегка отогнутым краем и расширяющимся книзу туловом, диаметр 14,5 см. Отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью известняка. Черепок в изломе розового цвета, без ангоба, обжиг равномерный (рис. 3, 4). Венчик лепного котла диаметром 20,5 см, невысокий, почти прямой. Тулово слегка расширяется книзу. Тесто рыхлое, с примесью песка и мелкого щебня, в изломе коричневого цвета (рис. 3, 8). Баночный лепной сосуд, диаметр венчика 8 см. Венчик слегка отогнут наружу, край донца подрезан. Отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью известняка, черепок в изломе розового цвета (рис. 3, 7). Аналогичные сосуды найдены при раскопках уструшанского замка Уртакурган и датированы VII–VIII вв. н. э. [6, с. 72, рис. 38, 21].

Керамика из помещения 2. Венчик узкогорлого лепного горшка диаметром 12,5 см со слегка отогнутым краем. Тулово сосуда расширяется книзу. Отмучка грубая, тесто неплотное, с примесью шамота и песка. Поверхность неровная, покрыта светлым ангобом. Снаружи сохранились следы сажи. Обжиг равномерный (рис. 3, 3). Венчик хумча диаметром 19,5 см изготовлен на гончарном круге. Край утолщен и имеет подпрямоугольные очертания. Отмучка средняя, тесто с примесью слюды, видной не только в изломе, но и на поверхности. Обжиг неравномерный. Сосуд толстостенный, без ангоба (рис. 3, 5).

Керамика из помещения 3. Венчик широкогорлого кувшина с ручкой. Край венчика слегка наклонен вовнутрь. Диаметр венчика 9 см. Ручка овальная в сечении. Сосуд изготовлен на гончарном круге. Отмучка мелкая, тесто плотное, без примеси. Черепок в изломе коричневого цвета. Поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 3, 1). Аналогичные кувшины найдены в замке Чильхуджра и датированы VI–VIII вв. н. э. [7, рис. 33, 14]. Маленький лепной баночный сосуд с небольшим сливом (носик). Дно сосуда плотное. Диаметр венчика 7,4 см, диаметр донца 6,2, высота 5,5 см. Черепок в изломе розового цвета. Внешняя поверхность покрыта серым ангобом (рис. 3, 6). Миска с волнистым бортиком. Диаметр венчика 14, высота 6 см. Корпус сосуда уплощенный и изготовлен

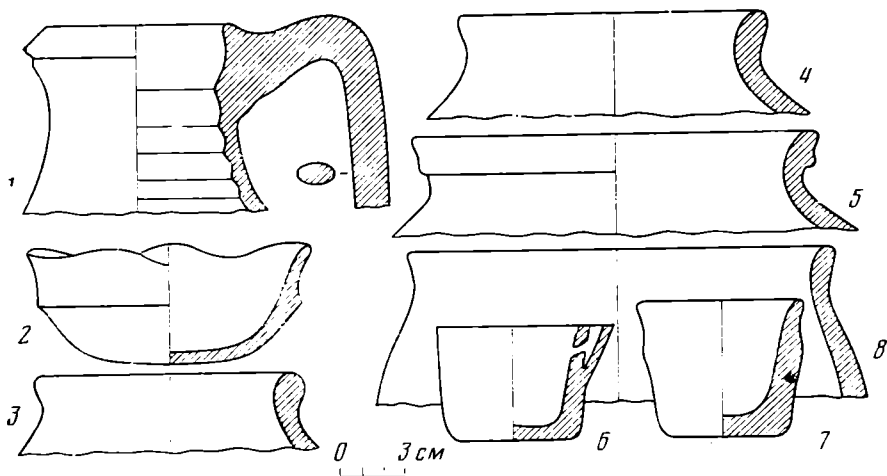

Рис. 3. Керамика из винодельни

в специальной форме. Дно плоское, бортик высокий, в плане образующий четырехлепестковую розетку. Между бортиком и корпусом проходит рубчик. На бортике хорошо видны следы изгибавших его пальцев. На дне с внешней стороны сохранились следы ткани (видимо, влажная ткань применялась для облегчения снятия сосуда с формы). Черепок в изломе розового цвета, отмучка мелкая, тесто плотное, с примесью мелкого песка (рис. 3, 2). Аналогичные миски найдены в древнем Пенджикенте [8, с. 139]. Как отмечали некоторые исследователи, прототипом для этих сосудов послужили сасанидские серебряные ложчатые чаши [9, с. 96—103; 10, с. 188, табл. 7]. На пенджикентских настенных росписях изображены сидящие мужские фигуры, в руках одной из них золотая чаша, имеющая в плане форму четырехлепестковой розетки [8, с. 139, табл. VI]. Эти сосуды датируются VII—VIII вв. н. э. [11].

Вышеописанное сооружение, по всей видимости, являлось винодельной мастерской. Западная часть помещения 1 служила давильной площадкой. Виноград раскладывали на этой площадке и здесь же его давили ногами. Полученный сок через керамическую трубу стекал в яму-резервуар, где стоял хум.

Исходя из вышеописанного археологического материала, можно предположить, что в этом доме жила семья, которая занималась виноделием. По-видимому, семья жила в помещении 2. Если иметь в виду найденные там остатки балок, можно предполагать, что здание имело плоское перекрытие. Судя по объему резервуара винодельни, вино здесь производилось в большом количестве.

Винодельная мастерская на территории Уструшаны найдена впервые. Здесь, как свидетельствуют письменные источники и археологические данные, садов и виноградников было много. По словам средневекового географа Ибн Хаукаля, в соседних рустаках — Заамине и Джизаке — имелись сады и виноградники [12, с. 21]. Кроме этого, в рустаках Фагкат и Бунджикат выращивался виноград различных сортов [13, с. 90]. Как сообщает Хамдулла Казвани, в Хорасане и Средней Азии выращивалось более ста сортов винограда. Виноград из Бухары и Самарканда был известен далеко за пределами Средней Азии [14, с. 69]. Во время работы Фархадской экспедиции на территории северной Уструшаны вблизи раннесредневекового замка Мунчак-тепа найдены фрагменты оссуария, который был украшен масками и изображением виноградных гроздей [15, с. 102, рис. 50]. Это также позволяет судить о разведении винограда в этом районе в древности.

Публикуемый памятник находится на территории Уструшанского рустака Харкана. В письменных источниках упоминается название рустака и говорится также, что здесь был рабат. Больше ничего о Харкане в источниках не сообщается. На территории северо-западной Уструшаны виноградарство было очень развито.

Об употреблении вина в Согде есть известия в документах, найденных в раннесредневековом замке Муг, находящемся вблизи древнего Пенджикента. В некоторых документах сообщается о наличии больших запасов вина у некоторых знатных согдийцев [16, с. 30—33].

На территории древнего Пенджикента была открыта давяльная винограда. Она находилась в пригороде Пенджикента, в доме 9, который датируется VII—VIII вв. н. э. [17, с. 187, рис. 26]. Пенджикентская винодельня по конструкции очень напоминает нашу, но отличается некоторыми особенностями. В резервуаре пенджикентской давяльной хум отсутствует. Общая глубина резервуара пенджикентской давяльной 1,35 м. Дно у нее наклонное, в нем сделано дополнительное углубление. В нашем резервуаре подобного углубления нет и общая глубина 1,90 м. Размеры давяльной площадки пенджикентской давяльной незначительны (1,35×1,25 м), а стенки ванны сложены из сырцового кирпича. Яма-резервуар и ванна-давяльная площадки пенджикентской винодельни соединены между собой узким канальчиком.

Еще одна винодельня раннесредневекового времени была раскопана на территории Северной Бактрии, в небольшом поселении Патта-тепа. Здесь давяльная площадка была выложена слоем мелкой гальки и покрыта алебастром. Паттатепинская винодавяльная по размеру и конструкции существенно отличается от публикуемой. Она намного меньше размером, а по устройству более простая [18, с. 70—71].

На территории древнего Хорезма тоже открыто несколько таких виноделен. Давильная площадка хорезмских виноделен намного шире (5×4 м), и дно устлано обожженными плитками. Площадки ограничены пахсовой стенкой толщиной 0,5 м. В качестве резервуара здесь тоже использован хум. Хорезмские винодельни датированы с I в. н. э. [19, с. 39, рис. 17].

Еще одна винодельная мастерская была открыта на территории древнего Ташкента. Найденная винодельня находится внутри замка Актепа Юнусабадское. Давильная площадка выложена из жженных плиток. Устройство давяльной в крепости — единственный пример [20, с. 112, рис. 13].

Аналогичная нашей винодельная мастерская XI в. открыта на городище древнего Сарыга в Чуйской долине [21, с. 44, табл. VIII, 5].

О технологии изготовления вина средневековые восточные ученые оставили много сведений. Например, Омар Хайям в трактате «Наурузнамэ» так описывает способ приготовления вина: «Так же в саду поставили чан и, выжав сок винограда, наполнили им чан... Когда сок в чане стал бродить, садовник пришел и сказал царю: „Этот сок кипит, как вода в котле без огня. Из него выходит (газ?)“. Царь сказал: „Когда он успокоится, сообщи мне“. Однажды садовник увидел, что сок стал прозрачным и ясным, блистал, как красный рубин, и успокоился...» [22, с. 218, 219].

О. Г. Большаков и Н. Негматов отмечают на основании этнографических данных, что техника виноделия не претерпела существенных изменений вплоть до недавнего прошлого [17, с. 187, 188].

Все раскопанные винодельные мастерские (в том числе и публикуемая) находятся вблизи больших городищ, поселений и замков и тесно связаны с этими памятниками и синхронны им. Учитывая этот факт, можно говорить, что наша мастерская тоже функционировала в то время, когда замок Кингир-тепа был обитаем, т. е. в VII—VIII вв. н. э. [11, с. 542]. В пользу такой датировки говорят обнаруженные в винодельне археологические материалы. Найденная здесь саманидская монета, видимо, попала туда в позднее время. При раскопках вообще не были встречены фрагменты поливной керамики, относящиеся к IX—X вв. н. э. Кроме того, винодельни не обнаружены ни на одном поселении в округе, более позднем, чем VII—VIII вв. н. э.

Раскопанная нами винодельная мастерская наглядно показывает, что в Уструпанском рустаке Харкана было развито садоводство в раннем средневековье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. М.: Наука, 1980.
2. *Кабанов С. К.* Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв. н. э.). Ташкент: Фан, 1977.
3. *Белецкий А. М.* Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.).— МИА, 1958, № 66.
4. *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.
5. *Вяткин В. Л.* Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Самарканд — Ташкент, 1926.
6. *Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г.* Уртакурган и Тирмизактепа. Душанбе: Дониш, 1973.
7. *Пулатов У. П.* Чилхуджра. Душанбе: Дониш, 1975.
8. *Бентович И. Б.* Керамика Пенджикента.— МИА, 1953, № 37.
9. *Григорьев Г. В.* К вопросу о художественном ремесле древнего Согда.— КСИИМК, 1946, вып. XII.
10. *Маршак Б. И.* Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII веков.— Тр. ГЭ, 1961, т. V.
11. *Абдукаримовна Р., Бердимуратов А., Дормина С., Кадыров Э.* Раскопки на Кингир-тепа.— АО — 1978. М., 1979.
12. *Бетгер Е. К.* Извлечение из книги «Пути и страны» Абул Касыма ибн Хаукаля.— Тр. САГУ, 1957, вып. CXI.
13. *Негматов Н.* Уструшана в древности и раннем средневековье. Сталинабад, 1957.
14. *Якубов Ю.* Паргар в VII—VIII вв. н. э. Душанбе: Дониш, 1979.
15. *Гайдукевич В. Ф.* Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943—1944 гг.— КСИИМК, 1946, вып. XIV.
16. *Боголюбов М. Н., Смирнова О. И.* Хозяйственные документы.— В кн.: Согдийские документы с горы Мут. Вып. 3. М.: Изд-во вост. лит., 1963.
17. *Большаков О. Г., Негматов Н.* Раскопки в пригороде Пенджикента.— МИА, 1958, № 66.
18. *Литвинский Б. А., Седов А. В.* Тепаи-шах. М.: Наука, 1983.
19. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.).— Тр. ХАЭЭ, 1976, т. IX.
20. *Филанович М. И.* Ташкент. Ташкент: Фан, 1983.
21. Чуйская долина. Составленные под руководством Бернштама А. Н.— МИА, 1950, № 14.
22. *Омар Хайям.* Трактаты. М.: Изд-во вост. лит., 1961.

A. E. Berdimuradov

VINERY IN NORTH-WESTERN USTRUSHAN

Summary

The author describes an early mediaeval site in the village of Abuz (Gallyaar al District, Jizak Region, Uzbek SSR). It is an oblong hill (12 by 17 m and 3 m high), in which three rooms were excavated. Room No. 1, divided into two parts, contained a wine press and a tank. The pressing platform, 2.8 by 2.8 m, was paved with pebbles. The tank was 1.2 m in diameter. Evidently, the house belonged to wine-makers. Remnants of the beams indicate that the house had a flat roof. It is the first find of this kind in Ustrushan. Judging by the tank, the vinery produced large quantities of wine. It is dated between the seventh and eighth centuries A. D.